

сору. Потому тебе он и имя дал Навуходонасор царь!“. Царь же посмеяся, приемь ея за руку, рече: „Воистинну ныне уведал аз свое рождение и имя!“¹

Вследствие того, что в основу повествования о Навуходоносоре здесь положена новая этимология его имени, автор свода вынужден был опустить весь рассказ о царе Аксерксе. Из рассказа о Навуходоносоре он удержал только краткие упоминания о построении нового города, создании из камня змея, окружающего город (с характерной подробностью о горящем „в челюстях“ змея угле, раздуваемом мехами „на устрашение людям“; с подробностью, которая связывает данный свод с предыдущим сводом, тоже поздним), и изображении „змиева зрака“ на зданиях, утвари и одеждах. Затем он расширил свое повествование известной легендой о трех отроках, сожженных Навуходоносором в печи, и опустошение Вавилона ожившими змеями и его запустение поставил в связь с этим „богомерским преступлением“ Навуходоносора. Рассказ о Василии Навуходоносоровиче вследствие этого также должен был выпасть из нового свода.

Последняя часть рассматриваемого свода — рассказ о том, как послы греческого царя Василия приносят ему из Вавилона царские инсигнии. Но и здесь новые черты: послы уже при отъезде получают наказ „искати сердоликову крабицу, что положен царский виссон и порфира и скипетр и шапочка мономахова“. Соответствующим образом переделывается и заключительный эпизод рассказа о посольстве: „Мужие же принесоша ко царю своему Василию знамение из Вавилона: сердоликову крабицу, в ней же лежит царский виссон и порфира и шапочка мономахова и жезл царский“. Следует отметить, что в этом своде „шапочка мономахова“ настойчиво присваивается вавилонским царям. Но особенно интересны заключительные строки свода:

„Услышав же князь Владимир Киевский, что царь Василий получи такие великие царские вещи, и посла к нему своего посла, чтоб ево чем подарил. Царь же Василий ради чести своей посла князю Владимиру в Киев в дарех сердоликову крабицу да мономахову шапочьку. И с того времени прослыша великий князь Владимир Киевский — Мономах. А ныне та шапочка в Московском государстве в соборной церкви. И как бывает властiapоставление, тогда ради чину воскладывают ея на главу“.

Таким образом очевидно, что в последней части свода составитель его пользовался теми сведениями о „царских вещах“, какие впервые появились в политической литературе Московского государства в известном „Сказании о князех владимирских“. Указанная нами приписка давно уже известна в научной литературе; сделанные из нее выводы вошли и в учебные пособия. Но об этом всегда говорилось и говорится как о раннем факте, относящемся то к концу XV века, то к началу XVI века; как о факте, связанном „с развивавшейся идеей преемственности Москвой византийского наследства“ и свидетельствующем о создании идеологии московского самодержавия.² Но не был подвергнут критическому рассмотрению основной вопрос: когда эта приписка была сделана? А между тем этим ведь определяется ее значение в литературной жизни цикла повестей и сказаний о Вавилоне граде. Мы видели

¹ В этом разделе мы везде ссылаемся на рукопись ГИМ, Барс. № 1667, XVII в.

² М. Н. Сперанский. История древней русской литературы. М., 1914, стр. 416; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 248.